

A close-up of a marble statue of Dionysus. The statue's face is on the left, with a single glowing orange eye. To the right is a large, ornate cup (kylix) with a sunburst design. The statue's chest and arm are visible in the foreground.

Эвоэ! ДИОНИС

Анисимов Денис

Денис Анисимов

Эвоэ! Дионис

<https://litres.ru/74625392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дионис - не Бог вина. Не Бог танца. Не Бог безумия. Дионис - разрыв. Трещина в стене мира. Место, где порядок распадается, а хаос рождается заново. Он - сын огня и пепла. Внук молнии. Брат смерти. Муж пустоты.

Он - то, что было до начала. То, что будет после конца. То, что никогда не было и всегда есть.

Эта книга - о нём. О тех, кто встретил его. О тех, кто не встретил. О тех, кто умер, встретив.

Это - не история. Это - миф. А миф не рассказывают. Миф проживают.

Войдите.

Содержание

Книга 1,2	4
Книга 3	28
Книга 4	40

Денис Анисимов

Эвоэ! Дионис

Книга 1,2

Этот текст не пересказ мифа о Дионисе. Это попытка войти в миф. Жить в нём, Дышать его воздухом. Пить его вино. Гореть его огнём. Дионис не просто Бог вина, танца, или безумия. Дионис — это разрыв. Он — рещина в стене мира. Место, где порядок распадается, а хаос рождается заново. Он сын огня и пепла. Внук молнии. Брат смерти и муж пустоты. Он — то, что было до начала и то, что будет после конца. Этот роман — о нём. Это не история. Это миф. А мифы не рассказывают. Их проживают. Войдите.

ПРОЛОГ. ЗАКОН

Гера стояла у края небес. Под её ногами клубились облака — безупречно белые, как мрамор под тронном Зевса. Но её взгляд был прикован не к красоте обители Богов, а к маленькой, едва заметной точке внизу. К Фивам. Шесть месяцев она наблюдала. Не как жена, обманутая мужем. Боги не знают ревности в человеческом понимании. Они знают только границы. И её граница, опять была нарушена. Но она не рвала на себе одежды, не кричала и не плакала. Она просто стояла и смотрела. Её лицо было спокойным. Но внутри что

-то ломалось. Не сердце, потому-что сердца у Богов не ломаются. Ломалось что-то другое. То, что было гораздо старше сердца. Ломался закон. Сам принцип всего сущего. Она покровительница брака. Не любви. Брака. А брак — это не чувство, а порядок. Брак — это клятва. Клятва которая удерживает весь мир от распада. Без клятвы не бывает семьи. Без семьи не будет рода. Без рода — нет города. Без города — нет мира. И Зевс нарушил клятву. Не потому, что любил другую. Боги не любят- они берут. Зевс нарушил этот порядок. Он превратил брак в игру. В забаву. В то, что можно нарушить, если вдруг стало скучно. И если он мог нарушить клятву данную ей, значит он мог нарушить любую клятву. Любой закон и любой порядок. Из тени колонны, увитой плющом, медленно выплыл Змей. Его чешуя переливалась всеми оттенками зелёного и чёрного, как масло на воде. Он не имел глаз, но Гера чувствовала его взгляд на своей спине. Он был её тенью. Её шёпотом. Её вторым «я» — тем, кто не боялся произносить вслух то, что она прятала даже от себя. — Ты смотришь на неё? — прошипел Змей. Голос звучал не в воздухе, а прямо в сознании богини. Скользкий и холодный. — Я смотрю на Его ошибку, — ответила Гера. Голос её был невозмутим и спокоен. — Шестой месяц? — Шестой месяц, — кивнула Гера. И каждая ночь — оскорбление. Не мне. Закону! Змей обвил колонну. Теснее. Плотнее. — Ты сердишься на Него? Гера долго молчала. — Как я могу на Него сердиться? Он — Гром. Гром ни у кого не спрашивает разре-

шения, прежде чем ударить. Дерево не виновато, что в него попала молния. Но дерево должно было остаться деревом. А не пытаться стать огнём. — Тогда на кого ты сердишься? — На неё. Змей замер. — На Семелу? — Да. — Но она просто смертная. Она — прах. Ты думаешь она могла отказать ему? Гера резко обернулась. Её глаза вспыхнули холодным синим пламенем, выдавая гнев. — Могла. — Ты правда так думаешь? — Мне не нужно думать. Я это знаю. Смертные могут отказать всегда. У них всех есть одно, чего нет у Богов. Это — выбор. Они могут сказать «нет», кому угодно. Даже Богу. Даже Грому. Даже самому Зевсу. Она посмотрела вниз. На Фивы. На окно, у которого сидела женщина. — Семела знала, кто к ней приходит! Но разве не знала она, что смертная не может вместить бессмертное, не треснув по швам? И всё же она открыла Ему дверь. Змей зашипел тихо и одобрительно. — Она хотела пить нектар, не имея чаши, — продолжила Гера. Она хотела стать Богиней? Это же гордыня! Гордыня праха, который забыл, что он прах. — Это её вина? — Это её выбор. Зевс не виновен в том, что он Бог. Семела виновна в том, что она забыла, кто она. Прах должен оставаться прахом. Иначе этот прах загрязняет воздух. Змей замолчал. Он знал, что Гера не могла наказать Зевса. Против Грома бессильна даже Царица Богов. Но против праха? Против слабого, испуганного сердца смертной женщины? — Что ты собираешься сделать? — прошипел он. Гера посмотрела на свои руки. Белые и непорочные. — Я не буду марать их

ее кровью. Я лишь восстановлю порядок. Она улыбнулась. Я дам ей то, чего она так жаждет. Истину. Полную и абсолютную! — Но Ты знаешь, что Истина убьёт её. — Знаю. Истина горит ярче любого огня. Ярче огня самого Зевса. Смертным не вынести истину. Они могут вынести только её тень. Её отблеск. Её намёк. А саму истину — нет. — Кто же даст ей эту истину? Гера посмотрела на Змея. Ее глаза сверкнули торжеством и предвкушением грядущей, неизбежной мести. — Та, которой она поверяет. Та, которая знает её страхи. Та, которая была рядом с ней с детства. и чьему голосу Семела не посмеет не внять. — Бероя? — Да. Старая кормилица. Её руки качали Семелу в колыбели, а ее голос убаюкивал ее в ночи. Ей Семела доверяет гораздо больше, чем кому-либо. Ей она доверяет — как себе самой. — Ты возьмёшь её тело? — Всего на одну ночь. Всего на один разговор и на один приговор. Змей издал довольный звук, похожий на треск сухой ветки. — Мудро Царица. Истина горька, как мой яд. — Этот приговор ей, не только из мести, — сказала Гера. Голос её стал тише. Почти шёпотом. Это приговор из необходимости. Если я позволю ей жить — я позволю порядку разрушиться. Если я позволю праху стать огнём, то завтра каждый смертный захочет стать Богом. А мир не сможет выдержать, если каждый захочет быть тем, кем он не имеет права быть. — Ты права Госпожа, — прошипел Змей. — Порядок должен быть сохранён. Даже ценой одной жизни и даже ценой тысяч жизней. — Даже ценой моей собственной души, — добавила

Гера. — Но моя душа чиста. Я не убиваю. Я лишь открою ей дверь, за которой будет огонь. И она сама попросит туда войти. Змей скользнул к её ногам. Обвил лодыжку. Поднял голову. — Тогда идём. Я буду ползти рядом. Я буду шептать тебе слова, которые ты не сможешь произнести сама. Я буду твоим ядом в чаше Семелы. Гера кивнула. Она посмотрела вниз. В последний раз. На Семелу. На смертную женщину, которая сидела у окна и ждала Бога. На женщину, которая не знала, что уже мертва. Что приговор уже вынесен. Что Закон уже начал вступать в силу. — Семела, — прошептала Гера. — Ты сделала выбор. Она шагнула в пустоту. Облака расступились перед ней, как занавес. Ветер ударил в лицо, горячий, чужой, пахнувший пылью Фив. Она спускалась медленно. Потому что Её путь — это часть приговора. Потому что каждый шаг должен был быть полностью осознан. Змей бесшумно скользил рядом. Невидимый для смертных. Только Гера чувствовала его холод на своей коже. Только Гера слышала его шёпот в своей голове. — Помни, — шипел Змей. — Ты — Хранительница закона. Ты не убиваешь. Ты — восстанавливаешь порядок. — Я помню, — отвечала Гера. Она шла через поля. Через леса. Через деревни. Люди не видели её. Она была лишь тенью и холодом. Она искала тело. Подходящее. Через которое можно говорить. То, которому поверят. Она нашла Берою. Старуху. Кормилицу Семелы. Ту, что она знала её с детства. Ту, которой безоговорочно доверяла. Бероя спала в своей маленькой комнате, у

стены, увешанной сухими травами. Её дыхание было тихим, как дыхание той, кто прожил долгую жизнь и не ждёт больше ничего. Гера остановилась перед ней. — Старуха, — прошептала она. Твоя ночь будет долгой. А утро — пустым. Затем Она коснулась её лба. Бероя не проснулась. Она просто перестала быть собой. Её тело осталось. Её лицо осталось. Её морщины, её палка, её шаркающая походка — всё осталось неизменным. Но внутри — внутри больше не было Берои. Гера посмотрела на свои руки. Морщинистые. Дрожащие. Старческие. — Подойдёт, — с удовлетворением произнесла она. Голос был хриплым и старческим. Но за ним, за каждым звуком — слышалось что-то другое. Что-то, от чего воздух становился холоднее.

Змей скользнул ей на плечо. Его не было видно. Только Гера чувствовала его вес и его холод. Слышала его шёпот. — Иди, — прошипел он. — Скажи ей то, что она боится услышать. Скажи ей правду. И пусть эта правда станет её смертью. Гера взяла палку. Вышла из дома и пошла во дворец Кадма. К его дочери. А высоко, на Олимпе, Зевс сидел на троне. Один. Он не знал, что его жена уже в пути. Что приговор уже вынесен. Что Семела уже мертва. Он смотрел в пустоту. И думал о том, что мир, что под Ним — слишком трезв. А трезвый мир — слишком жесток. Он не знал, что его жена сейчас идёт нести эту жестокость в Фивы. Что она станет рукой закона и станет ядом в чаше жизни Семелы. Что именно она станет той, кто превратит Его желание в пепел.

И Фивы содрогнутся. Но не от грома, а от закона.

КНИГА ПЕРВАЯ. ОГОНЬ

Глава 1. Желание Фивы не спали. Они только притворялись спящими. Этот город лежал в низине, придавленный тяжестью собственных стен, как зверь в слишком тесной клетке. Белый камень впитывал дневной жар и ночью отдавал его обратно — душно и тошнотворно. Ветер с востока приносил запах овечьей шерсти, гниющих водорослей и горького дыма оливковых косточек — запах бедности, прикрытой величию. На вершине холма, подобно глазу, следящему за городом, стоял дворец Кадма. В нём царила тишина натянутой струны, готовой лопнуть от малейшего дыхания. Семела одиноко сидела у окна. Лампы не было. Тьма в комнате была густой, осязаемой, как вода на глубине. Перед ней на коленях лежала прялка, но нить давно порвалась. Она не связывала её. Она ждала развязки. Семь ночей Он приходил к ней. Не через дверь. Не через окно. Он проникал в комнату, как запах озона перед грозой. Как тепло, не имеющее источника. Он не называл себя. Не показывал лица. Он был присутствием, вытесняющим воздух, заполняющим лёгкие сладким, удушающим туманом. Она знала: это не человек. Человек пахнет потом, железом и страхом. Это существо пахло вечностью. Она знала: это Бог. И она знала, что умрёт. Не от предсказания. Плоть и дух несовместимы,

как масло и вода. Восьмую ночь тишина звенела так громко, что болели зубы. Дверь открылась без звука. Вошла старуха. Бероя. Или то, что носило её имя сегодня вечером. Сгорбленная, с палкой, шаркающая подошвами. Лицо-карта высушенных рек, исчерченная морщинами. — Ты ждёшь Его? — спросила старуха. Семела кивнула. Горло пересохло, словно она уже проглотила пепел. — Ты думаешь, Он любит тебя? Семела молчала, ей было нечего ответить. Любовь Богов похожа на цунами: оно не спрашивает разрешения, оно просто смывает берег, оставляя после себя только разрушения.

Старуха выпрямилась. Шарканье исчезло. Она шагнула легко, хищно, и в полумраке её глаза вспыхнули молодым, жестоким огнём ревности, древнейшей из страстей. — Он уйдёт, Семела. Забудет. Ты останешься одна. С ребёнком, которого мир назовёт ублюдком. С позором, который убьёт тебя быстрее родов. Гера не простит тебе это и Зевс не защитит. Слова резали точнее ножа, потому что они были правдой, замаскированной под ложь. Семела почувствовала, как холод поднимается от пяток к сердцу, сковывая кровь. — Что же мне делать? Бероя улыбнулась. — Заставь Его явиться в его истинном облике. Не тенью. Не шёпотом. А Собою. Если он Бог, то ни за что он не посмеет отказать своему созданию в высшем даре. Если он лжёт — ты узнаешь. А если он убьёт тебя... ты умрёшь, но умрёшь свободной от иллюзий. Ты станешь частью Его сияния. Семела смотрела на неё, на морщины, вырезанные временем, в знакомом до по-

следней чѣрточки лице, на дрожащие руки, что когда-то качали её колыбель. Эти руки меняли ей повязки, когда она разбивала колени в детстве. Этот голос пел над ней, когда лихорадка жгла её тело. Она знала этот голос дольше, чем помнила саму себя. И потому не искала в нём лжи. Не могла искать. Ложь кормилицы была бы концом мира- более страшным, чем гнев Геры, чем огонь Зевса, чем сама смерть. Она слышала только заботу. Видела только тревогу за неё, глупую, старую, слепую любовь, которая боится за своё дитя больше, чем дитя боится за себя. Так боятся матери. И слова падали в неё, как семена в рыхлую, прогретую землю. Он уйдёт. Ты останешься одна. Гера не простит. Зевс не защитит. Каждое слово было правдой — горькой, неоспоримой, той правдой, которую она сама гнала от себя по ночам, зажимая уши руками. Но сказанная голосом Бeroи, эта правда перестала быть страхом. Она стала заботой. Стала любовью, которая не умеет лгать. — Я попрошу Его,- прошептала Семела. Пусть покажется. Во всем своем величии. В своём истинном облике. — Тогда готовься стать пеплом,-сказала Бeroя. Но помни: то, что родится из этого пепла, переживёт этот город. Переживёт стены. Переживёт само время. Оно будет пить твою смерть, как вино. Старуха вышла. Дверь захлопнулась, отрезая Семелу от мира живых. Семела подошла к окну. Распахнула ставни. Ветер ударил в лицо, горячий и чужой. Она посмотрела в чѣрное небо, где не было звѣзд, только густая, непроницаемая тьма. И в этой тьме что-то двига-

лось. Огромное. Неумолимое. — Приходи,-прошептала она в пустоту. Я хочу увидеть Тебя. Даже если это будет последнее, что я увижу. Я хочу знать, кого я люблю.

Глава 2. Огонь

Он пришёл на восьмую ночь. Семела сидела на краю лежа, неподвижная, как жертвенная статуя, ожидающая ножа. Хитон сполз с плеча. Она не поправила его. Её тело уже не принадлежало ей. Дверь открылась. Он вошёл. Как огромная тень. Воздух в комнате стал плотным и вязким, заряженным до предела. Он был слишком высоким для человеческого жилища. Его голова почти касалась потолка. Плечи заполняли пространство. Лица не было видно за ослепительным сиянием. Белым и жгущим. Свет исходил не от Него, Он будто сам был светом. Семела зажмурилась от боли, но не отвела взгляда. — Ты пришёл,- сказала она. И голос ее сорвался, превратившись в хрип. — Я всегда прихожу, — ответил Зевс. Голос был низким, вибрирующим в грудной клетке, как отголосок землетрясения глубоко под землёй. В нём не было любви. Была лишь необходимость бытия. — Я хочу увидеть Тебя. По-настоящему. Без маски смертного. Он не ответил сразу. Свет вокруг Него дрогнул, как дрожит пламя свечи, когда мимо проносят что-то живое и тёплое. — Почему ты молчишь? — прошептала она. — Я думаю, как тебе объяснить. — Объяснить что? — Что ты просишь не о встрече. Ты просишь о собственной смерти. Воздух в комнате стал тяжёлым. Семела слышала собственное сердце, оно билось

где-то в горле, мешая дышать. — Я знаю. — Ты не знаешь. Голос Его впервые стал резким. Ты думаешь, что знаешь. Ты представляешь себе огонь- как костёр. Как факел. Как что-то, что можно увидеть и отшатнуться. Ты не представляешь, что такое Я. Никто не представляет. Даже Боги не смеют смотреть на меня в полную силу. — Тогда покажи мне. Слово сорвалось раньше, чем она успела подумать. Зевс молчал. Так долго, что Семела начала слышать шаги стражи внизу, скрип телеги на улице, крик петуха — весь этот живой, тёплый мир, от которого она вдруг оказалась отрезана. -Хорошо. Ты сама этого хотела. Запомни этот момент. Он будет длиться вечно. И Он явился. Свет не вспыхнул — он взорвался. Комната перестала существовать. Стены растворились. Пол исчез. Осталось только сияние. Белое. Очищающее. Смертельное. Это был не просто свет, это была чистая энергия Зевса-Громовержца, лишённая милосердия и формы. Семела попыталась закричать, но крик застрял в горле, испарившись раньше, чем родился звук. Воздух в лёгких мгновенно обратился в пламя. Кожа обуглилась и осыпалась с костей, как сухая кора. Кости вспыхнули и превратились в пепел. Она не почувствовала боли. Боль это человеческое понятие и оно требует времени для осознания. Здесь времени не было. Она чувствовала только Свет. И внутри этого света, в самом центре бушующего огня, было нечто иное. Нечто, что не горело. Маленькое. Горячее. Живое. Ребёнок. Он не сгорел. Он был слишком мал, слишком сконцентри-

рован, слишком божественен, чтобы быть уничтоженным огнём отца. Он цеплялся за жизнь с яростью, которой Семела не знала в себе при жизни. Он пил огонь, как молоко.

Свет погас так же внезапно, как возник. Комната вернулась. Но это была не та комната. Стены были чёрными от копоти, покрытые слоем сажи, похожей на бархат смерти. Пол растрескался. Ложе превратилось в груды тлеющих углей. Остался только пепел. И запах. Резкий, тошнотворный запах жжёного мяса, озона и серы. Семелы не было. В центре комнаты, среди пепла, стоял Зевс. Огромный. Излучающий остаточное сияние, от которого воздух искрил. В руках Он держал что-то крошечное. Красное. Мокрое. Кричащее без звука, ибо голос ещё не сформировался, но душа уже вопила. Зевс смотрел на младенца. В Его взгляде не было нежности отца. Там читался страх. Страх перед тем, что Он сам создал. Страх перед силой, которая может превзойти Его. — Что ты такое? — прошептал Громовержец. Что ты такое, что огонь не смог тебя поглотить? Что ты такое, что требует смерти матери для рождения? Ребёнок не заплакал. Он просто дышал. Медленно. Глубоко. С сознательностью, пугающей для новорождённого. Его глаза были закрыты, но за веками уже формировался взгляд. Взгляд того, кто видит изнанку мира. Зевс поднял младенца к лицу. Посмотрел в закрытые веки. -Ты будешь жить, — сказал Зевс. Твёрдо. Не потому, что Я хочу. А потому, что она этого хотела. И потому, что мир нуждается в том, чего он боится. Он прижал ребёнка к груди.

Вызвал нож из чистого света. Без колебаний разрезал себе бедро. Плоть бога разошлась, светясь изнутри золотистым ихором — кровью бессмертных, сладкой и тяжёлой, как мёд. Зевс вложил ребёнка внутрь бедра. Запечатал рану движением руки, словно зашивая мешок с зерном. — Три месяца, — произнёс Он в пустоту. И шагнул сквозь стену, которая расступилась перед Ним, как вода. В комнате остался только пепел Семелы. И тишина, звенящая от отсутствия жизни. А далеко, на вершине Олимпа, женщина с волосами цвета расплавленного золота открыла глаза. — Он выжил, сказала Гера. Голос её был ровным, как поверхность замёрзшего озера, под которым течёт быстрое течение. — Он всегда выживает. Гадина. Она улыбнулась. Не разжимая губ. Как улыбаются, когда уже всё решено. — Ничего. Я умею ждать. И я умею помнить. Безумие — мой лучший дар. Я подарю ему его же суть.

Глава 3. Бедро

Гермес появился в тронном зале через три дня. Не вошёл. Материализовался из воздуха, пахнувшего далёкими дорогами и пылью. Зевс сидел на троне. Один. Смотрел в пустоту, держа руку на бедре, где под кожей билось второе сердце. — Ты звал меня Отец? — спросил Гермес, играя кадуцеем. — Я не звал. — Тогда зачем Я здесь? Зевс поднял глаза. В них была усталость. Древняя, неисчерпаемая усталость Бога, видевшего рождение и гибель миров, понимающего, что каждое новое начало — это лишь новая форма конца. — Я но-

шу Его в своем бедре, — сказал Зевс. — и Он растёт. Двигается. Слушает. И главное — знает. — Что Он знает? — Всё. И главное, Он знает, что именно Я убил его мать. Что Я мог спасти её, но не стал, ибо таков закон природы Бога и смертной. Что Я поступил так, как требовала Моя природа, а не сердце. Что Он — плод насилия над материей. — Тогда убей Его. Пока он не стал проблемой. Зевс молчал. Смотрел в сторону. Пальцы медленно, задумчиво поглаживали бедро. — Я не могу. — Почему? — Потому что она хотела Его. Если Я убью ребёнка, она умрёт окончательно. Её жертва станет бессмысленной. А Я... Я не хочу, чтобы её смерть была напрасной. Ибо в этом ребёнке — часть Меня, которую Я сам боюсь. Гермес сел на ступеньку трона рядом с Отцом. Как сын, как равный в горе, хотя горе Богов холоднее человеческого. — Чего Ты хочешь? Что должен я сделать? — Отнеси Его нимфам. На Наксос. В пещеру. Спрячь Его от Геры. Спрячь Его от самого себя, пока он не окрепнет. — А что потом? — Потом посмотрим, что принесёт судьба. Судьба любит иронию. Зевс коснулся бедра. Плоть разошлась бескровно, светясь изнутри. Он извлёк ребёнка. Мокрого. Красного. Пульсирующего жизнью, горячей, как уголь. — Держи. Гермес осторожно взял младенца.. Как хрупкую вазу, наполненную смертоносным ядом. — Он не плачет, — заметил Гермес, чувствуя странную тяжесть в руках. — Он никогда не плачет, — ответил Зевс. — Почему? — Потому что он уже понял: плакать бесполезно. Слёзы не тушат

огонь. Они только мочат лицо, пока всё вокруг горит и никогда ничего не изменится. Ничего. Он это знает. Поэтому он смотрит. Просто смотрит. И запоминает. Гермес посмотрел на ребёнка. В закрытых глазах скрывалась буря. Не детская капризность, а древнее знание хаоса. — Он будет проблемой, Отец. Боги порядка не любят тех, кто приносит хаос. — Он будет концом всего, что мы считаем неизменным, — сказал Зевс. Именно Он разрушит границы между Богом и человеком, между разумом и безумием, между жизнью и смертью. Он напугает людей, что они просто звери, которые забыли свои когти. — Тогда для чего Ты спасаешь Его? Зевс отвернулся закрыв глаза. — Потому что мир без вина и безумия слишком трезв. А трезвый мир — слишком жесток.

Гермес поклонился и растворился в воздухе. Он улетел прочь, держа на руках Бога, который ещё не знал своего имени. К нимфам, которые дрожали от холода, не зная, что им принесли огонь, способный сжечь вселенную. А Зевс остался сидеть один. С раной в бедре. С раной в душе. И со знанием, которое тяжелее любого камня.

КНИГА ВТОРАЯ. ПЕЩЕРА Глава 1. Молоко Остров Наксос лежал в море, как осколок кости, сплюнутый Богом. Не земля — обломок чего-то большего, что когда-то было живым и целым, а теперь торчало из воды, забытое и никому не нужное. Волны лизали его берега медленно, лениво,

будто море само устало от вечности. Скалы поднимались из воды отвесными стенами, чёрные и мокрые, покрытые пятнами лишайника, серого, как пепел, и рыжего, как старая кровь. Ветер здесь никогда не стихал, но и не набирал настоящей силы, он просто дышал, ровно и тяжело, как спящий зверь. Пещера скрывалась за водопадом. Вода падала с высоты тридцати локтей, разбиваясь о камни белой, яростной пеной. Грохот был постоянным — не просто звук, а физическое присутствие, гулкий бас, от которого дрожали кости и вибрировал воздух в лёгких. Он заглушал мысли, стирал слова, оставлял только тело и его инстинкты. Никто не приходил сюда. Ни один рыбак не бросал здесь сеть, ни один пастух не гнал сюда стадо, ни один путник не искал здесь убежища. Никто не знал, что за завесой воды есть проход. Никто, кроме нимф. Их было пять. Не воздушных дев с арфами, не хрупких созданий из поэм, чьи ноги не касаются земли. Существ древних, земных, пахнущих влажным мхом, корнями и сыростью земли. Их кожа была тёплой и шершавой, как кора старого дерева. Их волосы — спутанными, как гнёзда, полные листьев и мелких веточек. Они не улыбались, потому что улыбка — это жест для другого, а другого здесь не было. Они просто были. Как камни. Как вода. Как время. Первая поила. Она была воплощением молока — тёплого, густого, сладкого. Когда она брала его на руки, он узнавал её не зрением, а кожей. По запаху травы, по ритму её дыхания, по теплу живота, к которому его прижимали. Она кормила его, и в

этом акте не было материнской нежности, только биологическая необходимость выживания бога. Но эта необходимость была честнее любой нежности. Она не притворялась любовью. Она была жизнью в чистом виде — простой, грубой, необходимой. Он пил, и молоко казалось ему вкусом самой земли — тёплой, живой, бесконечной. Вторая пела. Её голос не принадлежал человеку. Он был птичьим щебетом, жужжанием пчёл, шелестом листьев под ветром. Она пела без слов, потому что слова — это ложь, а её песня была правдой. Она пела, и острые края скал казались мягче. Через её песни Дионис впервые познал тишину — не как отсутствие звука, а как присутствие чего-то большего. Пространства между нотами, где живёт истина. Он слушал её и понимал, что мир состоит не из вещей, а из пауз между ними. Что жизнь — это не то, что происходит, а то, что остаётся, когда всё остальное умолкает. Третья кормила твёрдой пищей. Мёд в тяжёлых сотах, липкий и янтарный. Фиги, лопающиеся от спелости, истекающие сладким соком, похожим на кровь. Молоко диких коз. Она клала еду ему в рот, и он учился жевать. Медленно. Осознанно. Каждый кусок был открытием текстуры мира. Горьким. Сладким. Живым. Он учился различать вкусы так же, как учился различать звуки, и в этом различении рождалось что-то новое — способность выбирать. Предпочитать. Желать. Она не торопила его. Она просто ждала, пока он прожует и проглотит, и в этом ожидании было больше мудрости, чем во всех словах мира. Четвёртая молчала. Она

не пела. Не кормила. Не утешала. Она сидела у входа, спиной к пещере, лицом к морю. Её глаза были цвета штормового неба — серые, с проблесками холода, с глубиной, в которую страшно смотреть. Она знала то, чего не знали остальные: он уйдёт. Он не вернётся. Его судьба — не покой пещеры, а хаос мира. И она молчала, потому что слова были бы ложью перед лицом неизбежного. Её молчание было тяжелее любого крика. Оно давило. Оно требовало. Оно говорило больше, чем могли бы сказать губы. Дионис чувствовал это молчание кожей, как чувствовал тепло молока и холод воды. Оно было первым уроком правды — той, которую нельзя произнести, но можно только вынести. Пятая танцевала. Её танец не был предназначен для зрителя. Она танцевала для камня, для воды, для света. Она двигалась так, что воздух становился плотным, а время — текучим, как вино. Её тело изгибалось, как лоза, и в этих изгибах была музыка, которую нельзя услышать, но можно почувствовать. Дионис смотрел на неё, и внутри него, в самой глубине, где ещё не сформировалось «Я», что-то отзывалось. Что-то, что позже станет ритмом, экстазом, безумием. Она танцевала, и мир вокруг неё терял чёткость, становился зыбким, как сон, как дым, как предчувствие. Он смотрел и учился тому, что тело может говорить громче слов, что движение — это язык, на котором говорят боги. Первый год он не говорил. Он наблюдал. Слушал. Ел. Спал на шкурах, свернувшись клубком у огня. Он не плакал. Не смеялся. Он дышал — ровно, глубоко.

ко, будто каждый вдох был сознательным выбором остаться в этом теле. Он смотрел на огонь и видел в нём что-то, чего не видели другие. Он смотрел на воду и слышал в ней голоса, которых не слышали другие. Он был тихим ребёнком, но эта тишина была не пустотой, а полнотой. Он впитывал мир, как губка, и мир входил в него, не спрашивая разрешения. На второй год он заговорил. Первое слово было не «мама». Не «пить». Первое слово было: — Почему? Он сидел у входа в пещеру, свесив ноги над пропастью. Внизу клубился туман, и море билось о скалы с глухим, ритмичным звуком. Рядом сидела Четвёртая. Она не смотрела на него. Она смотрела на горизонт, где небо сливалось с водой.— Почему что? — спросила она. Голос её был хриплым от долгого молчания, как скрип несмазанной двери.— Почему я здесь? Она молчала. Долго. Так долго, что он успел подумать, что она не ответит.— Потому что тебя принесли.— Кто?— Отец.— А где он?— Далеко. На Олимпе. Там, где нет боли.— Почему он не приходит? Она повернулась к нему. Её глаза были тёмными, бездонными. В них не было ни жалости, ни лжи. Только правда — голая, холодная, тяжёлая.— Потому что он боится тебя. Дионис молчал. Долго. Смотрел на воду. Внутри него что-то шевелилось — не мысль, не чувство, а что-то большее, что-то, что не имело имени. Он не понимал, что значит «боится». Но он чувствовал, что это слово имеет вес. Что оно давит на плечи, как камень.— А мать? Нимфа отвела взгляд. В первый раз за два года. Она смотрела на море, и её

лицо было неподвижным, как камень. Но в этой неподвижности было что-то живое, что-то, что боялось. — Матери нет. — Почему? Она закрыла глаза. Медленно. Как будто это движение стоило ей всех сил. — Потому что ты есть. Он не понял смысла этих слов разумом. Но что-то в нём сжалось. Холодный ком в груди. Больше, чем мысль. Больше, чем он сам. Он почувствовал, как что-то внутри него треснуло — тонко, почти неслышно. Но трещина осталась. И через неё в него вошло что-то новое — не боль, не страх, а что-то третье, чему он ещё не знал названия. Он встал и пошёл к воде. Медленно. Не оглядываясь. Нимфы не остановили его. Они знали: это начало пробуждения. Боль учит лучше слов. Он вошёл в поток водопада. Ледяная струя ударила по плечам, по спине, по голове. Он стоял под ней, чувствуя, как холод выжигает вопрос из души. Вода смывала с него что-то — не грязь, а невинность. Он стоял, и ему было больно. Но в этой боли было что-то правильное. Что-то честное. Он не плакал. Он просто стоял. И вода падала на него, как благословение.

. Глава 2. Тень На третий год пришёл Пан. Он не появился внезапно. Он пришёл пешком. С гор. Через лес. Играя на свирели из тростника так, что птиц замолкали в полёте, а змеи выползали из нор, зачарованные мелодией. Он вошёл в пещеру без стука. Сел у огня, положив рядом свою косматую ногу с чёрным копытом. Посмотрел на Диониса. Дионис смотрел на него. Долго. Без страха. - Ты знаешь, кто я? - спросил Пан. Его голос был грубым, скрипучим, как трение

камней. - Нет. - Я Пан. Бог лесов. Бог коз. Бог всего, что не имеет формы, что дико и первобытно. И я - твой родственник. Кровь - это просто вода, текущая в одном направлении. Он засмеялся. Смех был громким, раскатистым, живым. Дионис не засмеялся. - Ты всегда такой серьёзный? - Я не знаю, каким мне быть. - Это видно. Пан протянул ему глиняную флягу, оплетённую плющом. - Выпей. - Что это? - Вино. Дионис взял флягу. Понюхал. Резкий, кисловатый запах ударил в ноздри. Он поморщился. - Горькое. - Да. Горькое. Но потом будет сладко. Пей. Дионис сделал глоток. Затем второй. Третий. Горечь осталась на языке. Но вслед за ней пришло нечто иное. Тепло разлилось по желудку, поднялось к голове, затуманило взгляд. Мир стал мягче. Края предметов расплылись. - Что это? - Это я, улыбнулся Пан, и в его глазах плясали бесы. Вино - это часть меня. Вино ломает границы. Оно показывает тебе, что ты не один. Что ты - часть всего. - Я не чувствую себя Богом. - Правильно. Ты ещё не Бог. Ты ребёнок, который думает, что он ребёнок. Но маска спадёт. Скоро. Пан встал. - Я приду ещё. Когда ты будешь готов. - Готов к чему? - К тому, чтобы перестать быть одним. Чтобы стать многими. Он вышел. Заиграл. Звук свирели растворился в шуме водопада. Дионис остался у огня. С флягой в руках. С трещиной в душе, через которую начал просачиваться свет.

Глава 3. Смех На пятый год пришли сатиры. Их было много. Десятки. Они вваливались толпой, кувыркаясь, толкаясь, рыча. С криками. С хохотом. С запахом козьего пота, вина

и земли. Они ворвались в пещеру. Расселись у огня. Начали пить из общих чаш. Начали есть, разрывая мясо руками. Начали хватать нимф за руки, за волосы, за бёдра. Нимфы не сопротивлялись. Они смеялись. Это не было насилием. Это было ритуалом. Игрой жизни, грубой и неотёсанной. Дионис смотрел. Он сидел в стороне. Один сатир - самый старый, с седой шерстью и лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дуба, подошёл к нему. - Мальчик! - крикнул он, и слюна брызнула с его губ. - Ты умеешь пить? - Нет. - А танцевать? - Нет. - А любить? Дионис молчал. Сатир захохотал. Так громко, что эхо ударило в стены пещеры. - Он ничего не умеет! заорал он. Он - Бог! Сын Зевса! И он ничего не умеет! Другие сатиры подхватили. Смех стал стеной. Он давил на барабанные перепонки, на грудь, на разум. Дионис не обиделся. Он почувствовал... интерес. Этот смех был другим. Не злым. Освобождающим. Он снимал напряжение. Он разрушал серьёзность, которую навязывала ему пещера, нимфы, его собственное происхождение. Старый сатир протянул ему кубок. - Пей, маленький Бог. Пей, пока не забудешь, кто ты. Дионис взял кубок. Вино в нём было тёмным, почти чёрным. Он выпил. И мир взорвался красками. Глава 4. Сердце В ту ночь, когда сатиры уснули, а нимфы ушли к морю, Дионис остался один. Он сидел у огня. Вино ещё гудело в голове, но не заглушало того, что проснулось. Не мысль. Не чувство. Что-то глубже. Что-то, что было в теле. В груди. Слева. Там, где сердце. Он положил руку на грудь.

Под ладонью билось. Ровно. Глухо. Как у всех. Но было ещё что-то. Второе. Не биение. Движение. Слабое. Далеко. Как будто внутри него, в самой глубине, в темноте, которую он не мог достать, кто-то шевелился. Он закрыл глаза. И увидел. Не сон. Не видение. Память. Но не его. Он увидел ребёнка. Младенца. Мальчика. Он лежал на камне. Вокруг стояли тени. Огромные. Тёмные. Они держали ножи. Не ножи. Когти. Они смеялись. Тихо. Жестоко. Мальчик не плакал. Он смотрел. Так же, как смотрел сам Дионис. Так же, как смотрел в колыбели. Мальчик знал, что умрёт. И не боялся. Тени набросились. Они рвали его. Руки. Ноги. Голову. Они разрывали его на части. Кровь текла. Но мальчик не кричал. Он смотрел. И в его глазах было что-то, чего не было у теней. Что-то, что они не могли съесть. Сердце. Они вырвали его. Оно билось в их руках. Они смеялись. Они бросили его в огонь. Но огонь не взял. Сердце осталось. Оно светилось. Оно билось. А потом пришла женщина. С глазами, как луна. Она взяла сердце. И положила его в шкатулку. И ушла. Дионис открыл глаза. Он дрожал. Пот тек по спине. Руки сжались в кулаки. Ногти впились в ладони. Кровь. Настоящая. Тёплая. Он посмотрел на грудь. Ничего. Только шрам. Тонкий. Белый. Которого не было раньше. - Что это? прошептал он. Никто не ответил. Огонь трещал. Вода падала. Нимфы спали. Он встал. Подошёл к водопаду. Вошёл в воду. Ледяная струя ударила по спине. Он стоял. Долго. Пока холод не выжег видение. Пока не осталось только тело. Только дыха-

ние. Только он. Но он знал. Теперь он знал. Внутри него было что-то. Не только Семела. Не только Зевс. Что-то древнее. Что-то, что было до них. Что-то, что разорвали. Что-то, что сгорело. Что-то, что осталось. Сердце. Он не понимал. Но он запомнил. И это было важнее понимания.

Книга 3

КНИГА ТРЕТЬЯ. БЕЗУМИЕ Глава 1. Гость Утро началось не со света, а с тишины. Не той благодатной тишины, что бывает перед рассветом. И не той пустой тишины, что воцаряется после бури. Это была совсем другая тишина. Плотная, серая и совершенно чужая. Она давила на барабанные перепонки, как вода на глубине. Сатиры ещё не проснулись. Они лежали там, где упали, оплетённые плющом и собственным забытьём. В вине. В шкурах. В объятиях нимф, которые как-будто застыли, превратившись в статуи из плоти и страха. Нимфы не двигались. Их глаза были широко раскрыты и устремлены в одну точку — на вход в пещеру, скрытый за пеленой грохочущего водопада. Дионис встал. Голова раскалывалась. В первый раз в жизни он почувствовал боль, которая не имела физической причины. Не голод. Не холод. Не рана. Это было нечто иное. Внутри черепа. В самом мозгу. Будто невидимая рука схватила его «Я» и медленно, методично сжимала его в кулак, выжимая суть. Он вышел из пещеры. За стеной падающей воды стояла женщина. Она не пряталась. Не скрывалась за магией иллюзий. Она стояла открыто, и вода, низвергающаяся с высоты, расступалась перед ней, боясь коснуться её хитона. Она была высока и стройна. С волосами цвета расплавленного золота, собранными в сложный узел, увенчанная царственной диадемой. Её белый

хитон светился даже в полумраке грота, излучая холодный, мертвенно белый блеск. Дионис остановился. Вода стекала с его волос на тело, но он не чувствовал холода. - Ты кто? Женщина улыбнулась. Улыбка была идеальной. Холодной., как лёд на вершине недоступной горы. Как лезвие бритвы. - Я та, кого твой отец называет женой. Но для тебя у меня нет имени, которое ты мог бы произнести без дрожи. Меня зовут Гера и я Хранительница брака. Покровительница законных семей. Мать Богов. Она сделала шаг вперёд и вода разошлась перед ней, словно занавес театра. - А ты, продолжила она, и в её голосе зазвенело презрение, тонкое, как струна, - сын шлюхи. Дионис не двинулся. Не отвёл взгляда. Его глаза, ещё мутные от сна и боли, прояснились. - Моя мать - Семела. Дочь Кадма. Принцесса Фив. - сказал он, глядя Богине в глаза и гордо подняв подбородок. Гера рассмеялась. Звук был коротким, сухим.. - Твоя мать ничтожество. Семела - дыра в ткани мира, в которую мой муж уронил своё семя по случайности или скуке. Семела сгорела, как свечка, оставив после себя лишь запах омерзительно пахнущей гари. И ты - то, что осталось от этой свечки. Огарок. Копоть. Пятно на репутации Олимпа. Она смотрела на него, презрительно сжав губы. Внимательно. Как смотрят на вещь, которую нужно выбросить, но ещё не решили - сжечь ли её, чтобы не осталось следов, или утопить, чтобы никто не нашёл. - Ты похож на Него, сказала она мягче, и от этой мягкости стало ещё страшнее. - Тот же гордый взгляд. Та же невыно-

симая наглость. Та же необъяснимая уверенность, что мир существует исключительно для твоего удовольствия. - Зачем ты пришла? спросил Дионис. Голос его звучал ровно, хотя внутри всё сжималось в тугой узел. - Проверить. Не ошибся ли он. Не промахнулся ли, спрятав тебя здесь. Не выжило ли то, что по праву должно было умереть вместе со своей матерью. Она подняла руку. Медленно. Элегантно. Давая ему время отступить. Убежать в глубь пещеры. Спрятаться за спины спящих сатиров. Но он не отступил. - Ты меня разве не боишься? удивилась Гера. - Нет. - Почему? - Потому что я уже умер. Тогда. В огне. Вместе с ней. Всё, что было после - это не жизнь. Это долг. Гера замерла. Что-то мелькнуло в её глазах. Не гнев. Не ненависть. Что-то другое. Тень уважения? Или страх перед тем, чего она не могла контролировать? - Ты глуп, сказала она наконец. Но ты не трус. - Что это меняет? - Ничего. Для тебя. Всё - для меня. Она опустила руку. Коснулась его лба кончиками пальцев. Прикосновение было ледяным. Как камень зимой. Как прикосновение смерти. - Безумие - это не наказание, Дионис. Это дар. Это дверь. Ты хотел увидеть правду? Ты её увидишь. Всю - до самого дна. Без прикрас. Без защиты. Мир треснул. Не взорвался. Не поплыл красками. Он треснул. Как стекло под ударом молота. Как кость, ломающаяся под весом тела. Дионис упал на колени. Схватился за голову. Рот открылся в крике, но звук не вышел наружу. Крик остался внутри, разрывая горло, лёгкие и душу. Гера смотрела сверху вниз. Без

удовольствия. Без жалости. Без торжества. Просто констатируя факт выполненной работы. - Теперь ты мой, - сказала она. - До конца времён. Она ушла. Не исчезла в вспышке света. Не растворилась в тумане. Просто повернулась и пошла сквозь воду - как сквозь воздух. Водопад сомкнулся за ней, снова став стеной шума и брызг. Птицы запели. Мир продолжил своё бессмысленное движение. Дионис не двигался. Он замер стоя на коленях в мокром песке. Руки дрожали. Глаза были открыты, но он ничего не видел вокруг. Только свет. Белый. Жгучий. Тот самый, который убил его мать. В этом свете он увидел её. Семелу. Она стояла в центре огня, и пламя не жгло её, а обнимало. Она смотрела на него. Молча. Без улыбки. Без укора. Просто смотрела своими пустыми глазницами. - Ты меня оставила, прошептал он. Губы едва шевельнулись. Она не ответила. - Ты могла жить. Могла не просить. Могла не смотреть. Образ дрогнул и исчез. Огонь погас. Остался только серый пепел, сыплющийся с неба прямо ему в лицо. Дионис закричал. Снова. И снова. Но крик не выходил наружу. Он разрывал его изнутри, выворачивая наизнанку, и это было хуже, чем физическая боль. Хуже, чем смерть. Это было опустошение. Уничтожение личности. Потом пришли нимфы. Они не говорили. Не пытались утешить словами, которые были бы ложью. Просто сели рядом. Пять фигур в полумраке. Молча. И сидели, пока он кричал внутри себя. Пока не выдохся. Пока не упал лицом в песок, чувствуя, как влага впитывается в кожу. Та, что кормила, под-

несла ему кубок с молоком. Он не взял. Не мог. Горло было сжато спазмом, который не отпускал. Та, что пела, запела. Тихо. Без слов. Просто звук. Низкий, вибрирующий гул. Как ветер в ущелье. Как дождь по крыше. Как мать, поющая над колыбелью, зная, что ребёнок уже умер. Он не успокоился. Но дыхание вернулось. Рваное и хриплое. Та, что молчала, смотрела на море. Долго. Потом сказала, и её голос прозвучал как приговор: - Ты должен уйти. Он поднял голову. Песок прилип к щекам. - Куда? - Не знаю. Но здесь тебе нельзя оставаться. - Почему? - Потому что она вернётся. Она всегда возвращается. И в следующий раз она не оставит тебе даже этого. Та, что танцевала, подошла к нему вплотную. Коснулась его лица. Пальцы были тёплыми. Живыми. - Ты не болен, сказала она. В её глазах плясал тот же огонь, что и в его душе. - Ты Бог. Безумие - это не выход. Это вход. - Куда? - В себя. В то, что было до тебя. В хаос. В то, что будет после. Дионис встал. Ноги дрожали. Мир поплыл, края предметов размывались. Голоса в голове не умолкали, они спорили, смеялись, плакали. Но он встал. Он посмотрел на нимф. По очереди. Каждой в глаза. Долго. Без слов. Прощаясь со своим детством. Прощаясь с безопасностью. Потом повернулся и пошёл к воде. Вошёл в поток водопада. Ледяная струя ударила по плечам, по голове, по лицу. Он стоял под ней и не двигался, позволяя холоду смыть с себя остатки мальчика, который жил в пещере. Он не знал, куда идти. Не знал, что делать. Не знал, кто он теперь. Но он знал одно: оставаться

здесь нельзя. Он вышел из воды. Не обернулся. Пошёл вверх — по скользким скалам, через дикие виноградники, к тропе, которая вела с острова вниз, к морю, к кораблям, к миру людей. Сатиры спали. Нимфы смотрели ему вслед. Ни одна из них не окликнула его. Не попыталась остановить. Та, что молчала, закрыла глаза. Она знала. Она всегда знала, чем заканчиваются истории богов.

Глава 2. Тропа Он шёл вверх по скользким скалам. Вода стекала с него. Не вода - а память. Не память - безумие. Оно не ушло. Оно осталось. Оно было в нём. Оно было им. Голоса не умолкали. Они говорили. Все сразу. Семела. Зевс, Гера, Пан. Сатиры и Нимфы. Все. Все, кого он знал. Все, кого он не знал. Все, с кем он был. Все, с кем он не был. Он не отвечал. Он просто шёл. Тропа вилась между скал. Колючий кустарник цеплял хитон. Ветер бил в лицо. Солнце палило. Он не чувствовал. Ни боли. Ни жара. Ни холода. Только тяжесть. В голове. В груди. В ногах. Он остановился. На краю обрыва. Внизу — море. Чёрное и Бесконечное. . Он сел и свесил ноги. Посмотрел вниз. Голос Геры. Внутри. Не снаружи. Внутри. Теперь ты мой. До конца времён. Он не спорил. Не отрицал. Не проклинал. Он просто сидел. И смотрел. На море. На воду. На то, что было всегда. Голос Семелы. Тоже внутри. Тоже не снаружи. Ты меня оставила. Она не ответила. Она никогда не отвечала. Она просто была. В огне. В пепле. В нём. Он закрыл глаза. И увидел. Не сон. Не видение. Память. Но не его. Ту самую. Мальчика. На камне. Тени. Когти. Кровь. Сердце. Женщи-

ну с глазами, как луна. Загрей. Он открыл глаза. - Ты тоже был разорван, прошептал он. В пустоту. В море. В себя самого. Море не ответило. Море просто било волнами о скалистый берег острова. Как всегда. Как вечность. Он поднялся и ноги его задрожали. Он еле держался. Он посмотрел на море. Потом повернулся и пошёл вниз. К берегу. К кораблям. К миру

Глава 3. Похищение

Он ушёл с Наксоса на рассвете. Не простившись. Море лежало перед ним, как развёрнутый свиток. Сел на первый корабль, который бросил якорь у берега, финикийское судно с пурпурными парусами. Команда смотрела на него с любопытством. Юноша с плющом в волосах, с тимпаном за спиной, с глазами, в которых было что-то, чего они не могли назвать ни одним существующим словом. Они решили, что он - беглый принц. Или жрец. Или просто безумец. Они не знали, что везут Бога. Корабль шёл на запад. Дионис стоял на носу, смотрел на воду и не видел её. Он думал о матери. О пепле. О голосе, который звал его из глубины груди. На третью ночь он сошёл на берег. В диком месте, где скалы нависали над водой. Он сидел на камне, когда они появились. Их было семеро. Тирренские пираты - морские разбойники. Моряки, которые не знали ни закона, ни страха. Они увидели юношу в странной одежде и решили, что он - сын богатого купца. Они окружили его. Он не двинулся. - Ты кто? спросил их главарь. Широкоплечий, с обветренным лицом. - Путник. - Куда идёшь? - Никуда. - Это хорошо. Потому что теперь ты идёшь с нами. Они

схватили его. И он не стал сопротивляться. Они достали верёвку и завязал ему руки за спиной. Верёвка развязалась сама и упала. Они связали снова. Снова развязалась. - Колдовство, прошептал один. - Нет, сказал Дионис. Просто верёвка знает, что я не хочу быть связанным. Они всё равно потащили его на корабль. Потому что были жадными и от ненасытной затмевающей разум жадности - не верили в Богов.

Глава 4. Чудеса На корабле началось необъяснимое! сначала запах. Не запах моря — соли, водорослей и гниющей рыбы. Не запах пота, которым пропитались доски за годы плавания. Другой. Сладкий. Тяжёлый. Знакомый каждому, кто хоть раз стоял у давяльни в пору сбора винограда. Запах вина. Но здесь, в открытом море, в сотне стадиев от берега, он был невозможен. И потому необъясним и страшен. Моряки переглянулись. Кто-то засмеялся — нервно, коротко. Кто-то потянул носом. Кто-то схватился за амулет. Потом вино пришло. Оно не вылилось из бочки. Не просочилось из трюма. Оно потекло прямо из досок. Из щелей. Из самой палубы, как будто дерево вспотело кровью земли. Тёмное, густое, с запахом мёда и влажной почвы. Оно поднималось из-под ног, обнимало ступни, заполняло швы между досками. Уже через мгновение палуба блестела. Через два — по ней можно было идти только осторожно, скользя. Через три — вино потекло по ступеням в трюм. Глухо булькая, как кровь из перерезанной артерии. Гребцы бросили вёсла. Один упал на колени. Другой попятился. Третий зажал рот рукой. Но это бы-

ло только начало. Плющ появился следом. Сначала тонкие зелёные побеги поползли по бортам — медленно, как будто пробуя дерево на вкус. Потом они нашли мачту. Обвили её снизу доверху, уже быстрее, с жадностью, как змея, которая знает, что добыча не должна вырваться. Листья разворачивались на глазах. Лозы тянулись к реям, к канатам, к парусам. Гроздья наливались прямо в воздухе — чёрные, тяжёлые, лоснящиеся. Их было так много, что они свешивались с бортов, задевая воду. Виноградник. На корабле. Посреди моря. А потом пришёл запах цветов. Не слабый аромат, что был вначале. Другой. Густой. Гуще вина. Гуще мёда. Запах цветов, которых не бывает — таких ярких, таких сладких, что от него кружилась голова и подкашивались ноги. Моряки зажимали носы. Открывали рты, хватая воздух, чтобы не упасть в обморок. Моряки молились — кто Посейдону, кто Зевсу, кто просто в пустоту. Никто им не помогал. Дионис стоял на носу. Неподвижный. Он не поднимал рук. Не говорил слов. Он просто стоял, а мир вокруг него сходил с ума. Главварь — тот самый, широкоплечий, с обветренным лицом — закричал. Крик был хриплый, полный ярости человека, который впервые в жизни встретил то, чего не может понять. Он бросился к вёслам. Схватил одно. Потянул. Весло стало змейей. В его руках. Чешуя поползла по дереву, как будто дерево превращалось в плоть. Змея обвила его запястья. Сжала. Зашипела прямо в лицо, так близко, что он почувствовал её дыхание. И вцепилась ему в нос. Он закричал снова. Но

этот крик потонул в общем крике. Другие гребцы бросились к своим вёслам — и тоже отшатнулись. Змеи выползали из уключин, из-под скамей, из щелей в бортах. Они не нападали. Они просто были повсюду. В таком количестве, что палуба казалась живой. Тогда Дионис сошёл с носа корабля. Он не шёл. Он двигался — так, как движется пламя по сухой траве. Неотвратно. И на середине палубы он перестал быть человеком. Нет, это был не оборотень из сказок. Не человек, который рычит и скалится. Это был лев. Настоящий. Огромный. С гривой, которая горела, как закатное солнце, падающее в море. Его когти оставляли вмятины в досках. Палуба трещала под его весом. Воздух вокруг него дрожал.

Моряки закричали и бросились на корму. Все. Кроме главаря. Тот стоял. Не потому, что был храбрым. Потому что ноги его не слушались. Лев сделал шаг. И тогда из тени мачты вышел медведь. Косматый. Огромный. Такой, каких не бывает в лесах Греции. Он поднялся на задние лапы — медленно, тяжело, как поднимается сама земля. И заревел. Этот рёв нельзя описать. Он не был звуком. Он был сотрясением. Он шёл из глубины, из-под палубы, из-под моря, из-под самого мира. Моряки упали. Кто-то закрыл голову руками. Кто-то завыл в ответ, но не от страха, а от чего-то более древнего. Лев прыгнул. Он опустился на главаря, как опускается ночь. Тот успел поднять руку. Успел открыть рот. Успел издать звук. Крик был коротким. Потом стало тихо. Остальные бросились в море. Потому что вода казалась милосерд-

нее того, что происходило на палубе. Они прыгали с бортов и бились о волны, кричали, хлебая солёную воду. Они плыли прочь — от корабля, от плюща, от змей, от вина, которое уже покрывало море вокруг тонкой тёмной плёнкой. Дионис — уже не лев, уже не человек — стоял на корме и смотрел им вслед. И в его глазах не было ни ярости, ни торжества. Была только тишина. Та, что приходит после. **Глава 5. Дельфины** Они не утонули. Они превратились в дельфинов. Их тела вытянулись, руки стали плавниками, лица - клювами. Они нырнули в чёрную воду и вынырнули уже другими. Они плыли рядом с кораблём. Они смотрели на Диониса. В их глазах не было ненависти. Только удивление. Только радость освобождения от человеческой тяжести. Один человек остался на корабле. Кормчий. Тот, кто с самого начала знал, что этот юноша - не просто юноша. Дионис подошёл к нему. - Ты знал. - Я чувствовал. Я видел, как ты смотришь на воду. Так смотрят Боги. - Ты останешься. - Кем? - Тем, кто расскажет. Тем, кто вспомнит. Тем, кто принесёт вино в земли, где его не знают. Кормчий упал на колени. Дионис положил руку ему на голову. - Встань. Ты не раб. Ты - первый. Первый, кто увидел меня и не ослеп. Он повернулся к морю. Дельфины всё ещё плыли рядом. - Они будут помнить, сказал Дионис. - Даже когда забудут, что были людьми. Они будут помнить, что встретили Бога. И что Бог был милостив. Корабль шёл дальше. На запад. К берегам, где люди пили воду. Где люди не знали танца. Но теперь они узнают. А сам Дионис знал

одно: оставаться нельзя. Он шёл. И голоса шли с ним. Все. Всегда. До конца времён.

Книга 4

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ. ТАНЕЦ

Глава 1. Круг Кибела ударила в тимпан. Бум. Звук был не звуком. Он был ударом. Физическим. Он прошёл через воздух, через землю, через кости Диониса.

Бум.

Второй удар. Сердце Диониса пропустило ритм. Затем подстроилось.

Бум.

Третий. И мир начал сужаться. Костёр. Круг менад. Тимпан. Он. Больше ничего не существовало.

Дионис стоял в центре круга. Женщины - менады двигались вокруг него. Медленно. Шаг. Ещё шаг. Их босые ноги шлёпали по утопанной земле, поднимая пыль, которая висела в воздухе, как золотой туман. Пахло потом. Пахло дымом. Пахло чем-то ещё - древним, животным, тёплым.

Он не двигался. Ноги приросли к земле, словно корни.

- Ты стоишь, сказала Кибела. Её голос прорезал ритм, как нож. Почему?

- Я не знаю, как начать.

- Начать? она засмеялась. Смех был низким, гортанным. Танец не начинается, мальчик. Танец случается. Ты не делаешь танец. Танец делает тебя.

Она подошла к нему вплотную. Её лицо было совсем ря-

дом. Он видел каждую морщину - трещины в сухой земле. Глаза - как два колодца, в которых не видно дна.

- Что ты чувствуешь?

- Страх.

- Где?

- Везде.

- Это не страх. Это память. Твоё тело помнит, что танец - это смерть. Потому что в танце ты теряешь себя. А терять себя страшно.

Она ударила в тимпан. Резко. Громко.

- Но это и есть свобода.

Дионис закрыл глаза.

Он позволил телу сделать шаг. Один. Неуверенный. Кривой.

Менады засмеялись. Легко.

Он сделал второй шаг. Третий. Тело начало вспоминать. Не разум - разум молчал. Тело. Мышцы. Кости. Кровь. Клетки, которые помнили ритм ещё до того, как он родился. Клетки, которые помнили Семелу, танцующую в огне.

Кибела била в тимпан. Ритм ускорялся. Бум-бум-бум. Сердце земли. Сердце мира. Его сердце.

Дионис двигался. Неуклюже. Сначала. Потом легче. Потом быстрее. Ноги сами находили ритм. Руки сами поднимались. Голова сама запрокидывалась.

Он не думал о Семеле. Не думал о Гере. Не думал о Зевсе. Голоса в голове начали стихать.

Он танцевал.

Менады двигались вместе с ним. Их тела изгибались, как лозы на ветру. Их волосы летели, чёрные водопады. Их крики смешивались с ритмом тимпана.

- Эвоэ! Эвоэ! - кричали они. Слово было бессмысленным. И в этом была его сила.

Костёр ревел. Пламя вздымалось до неба. Искры летели вверх, превращаясь в звёзды.

Дионис не знал, где кончается он и начинается танец. Границы стёрлись. Тело стало музыкой. Музыка стала телом. Кровь стала вином. Вино стало кровью. Он был везде. Он был нигде. Он был всем.

Кибела ударила в тимпан последний раз.

БУМ.

Тишина.

Абсолютная. Оглушительная.

Дионис упал на колени. Тяжело дыша. Пот стекал по лицу, смешиваясь с пылью, превращаясь в грязь, в маску.

Он поднял голову.

Кибела смотрела на него.

- Ты танцевал.

- Да.

- Что ты чувствовал?

- Ничего.

- Правильно. В танце ты не чувствуешь. Ты есть. Это первое. Теперь ты знаешь, что это возможно. Что ты можешь

перестать быть собой. И выжить.

Глава 2. Имена

Дионис не сразу заметил их лица.

Первую неделю он видел только тела. Руки, поднятые к небу. Волосы, летящие по ветру. Ноги, топчущие землю. Он видел танец. Не женщин.

Но на восьмую ночь - или это была девятая, он перестал считать он увидел.

Она стояла слева от него. Молодая. Лет двадцати. Не больше. Волосы цвета спелой пшеницы. Глаза - серые, как море перед дождём. Она танцевала с закрытыми глазами. Губы шевелились. Она что-то шептала. Не "Эвоэ". Другое.

Он подошёл ближе. Прислушался.

— ...Мелитта... Мелитта... спи, моя Мелитта...

Он замер.

Это было имя. Не менады. Имя ребёнка. Дочери.

Он посмотрел на её руки. Они были пусты. Но пальцы сжимались так, словно держали что-то. Невидимое. Тёплое. Живое.

Он отступил. Не потому, что испугался. Потому что понял.

Она не всегда была здесь. Она была где-то. В доме. С очагом. С колыбелью. С мужем. Она держала ребёнка. Она пела ему. Она кормила его. Она любила его.

А потом - ушла.

Почему? Он не знал. Но он видел ответ в её глазах. В том,

как она смотрела на огонь. Как она смотрела на танцующих. Как она смотрела на него.

Она не ушла от ребёнка. Она ушла от себя. От той, кем была. От той, кто держала. От той, кто пела. От той, кто любила. Она ушла, потому что та - умерла. Задолго до того, как она пришла сюда.

Он нашёл её на рассвете. Она сидела у ручья. Одна. Мыла руки. Долго. Слишком долго. Словно не могла отмыть что-то, чего не было.

Он сел рядом. Не заговорил. Просто сел.

Она не посмотрела на него. Но сказала:

- Ты видишь.

- Да.

- Что?

- Тебя.

Она замолчала. Вода текла. Птицы просыпались. Где-то далеко - в мире, который она оставила плакал ребёнок. Она слышала. Он знал, что она слышит.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Не важно.

- Важно.

Она повернулась. Посмотрела на него. В её глазах не было слёз. Была пустота. Та самая. Знакомая.

- Алкиппа.

- Алкиппа, повторил он. Что ты оставила?

Она отвела взгляд. Посмотрела на воду. Вода не отвечала.

- Дом. Мужа. Дочь.

- Почему?

- Потому что я не могла больше. Голос был ровным. Слишком ровным. Потому что каждый день был одинаковым. Потому что я просыпалась и знала, что будет. Тот же хлеб. Та же прялка. Тот же муж. Та же я. И я не могла. Я не могла быть той, кем меня сделали. Я не могла быть только матерью. Только женой. Я хотела не знаю чего. Чего-то другого. Чего-то, чего не было в доме. Чего-то, что было здесь.

Она обвела рукой горы. Костёр. Небо.

- И что ты нашла?

- Ничего. Она улыбнулась. Впервые. Улыбка была горькой. Всё. Не знаю. Я нашла танец. Я нашла ночь. Я нашла Тебя. Но я всё ещё слышу её. Мелитту. Она плачет. Каждую ночь. Я слышу.

Дионис молчал. Он не мог ничего сказать. Он не был отцом. Он не был матерью. Он не был человеком. Он был Богом. А Бог не может утешить. Бог может только быть.

- Ты вернёшься? спросил он.

- Нет. Она сказала это твёрдо. Не могу. Если вернусь, то умру. Не телом. Душой. Я не могу быть той, кем была. Я не могу притворяться. Я не могу держать её и знать, что я не та, кто держит.

Она встала. Посмотрела на него. Долго.

- Ты Бог?

- Да.

- Ты даёшь людям то, чего они хотят?

- Нет. Я даю им то, чего они боятся.

- Это одно и то же.

Она ушла. К костру. К танцу. К ночи.

Он остался у ручья. Один. Вода текла. Птицы пели. Где-то далеко - в мире, который она оставила плакал ребёнок. И она слышала. Всегда.

Их было много. У каждой имя. У каждой дом. У каждой то, что она оставила.

Федра. Жена кузнеца. Молчаливая. Сильные руки. Она не танцевала, она била землю. Каждым шагом. Словно хотела разбить её. Словно земля была виновата. В чём? В том, что держала. В том, что не отпускала. В том, что была домом, который она ненавидела и любила.

Хрисеида. Дочь жреца. Она знала слова. Священные. Она пела их. Но не так, как пела в храме. Здесь они звучали иначе. Не молитва. Крик. Не смирение. Бунт. Она оставила отца. Он проклинал её. Она не боялась. Проклятие - это слово. А она нашла нечто большее, чем слово.

Клеопатра. Не царица. Просто женщина. С именем, которое обещало славу, но дало только детей. Трёх. Она оставила их. Всех. Она не плакала. Она смеялась. Слишком громко. Слишком часто. Смех был как кровь. Он шёл из раны. Из той, что не заживает.

Тимарета. Самая старая. Ей было сорок. Может, больше.. Она пришла первой. До всех. Она была здесь, когда Кибела

ещё не была в тимпан. Она знала, что делает. Она знала, чего хочет. Она хотела умереть. Но не телом. Собой. Той, кем была. Женой. Матерью. Бабушкой. Она хотела стать никем. И в этом - найти всё.

Он видел их. Каждую. Он не запоминал имён, запоминал лица. Запоминал руки. Запоминал то, что они оставили.

Он понял: они пришли не к нему. Они пришли не к танцу. Они пришли к себе. К той, кем не могли быть. К той, кем боялись быть. К той, кем были всегда. Но не знали.

Он не дал им свободу. Они нашли её сами. Он только открыл дверь. Тимпаном. Криком. Ночью.

Он не был спасителем. Он был разрывом. Тем, что позволяет уйти. Тем, что не держит. Тем, что не судит. Он смотрел на них и понимал: они - не менады. Они - женщины. Уставшие. Раненые. Живые.

И он - не просто Бог. Он - тот, кто даёт им быть. Хотя бы на одну ночь.

Глава 3. Разрыв

Он проснулся от боли.

Не от обычной боли. От боли, которая была везде. В каждой клетке.

- Больно, сказал он. Голос был хриплым.

- Знаю.

- Почему?

- Потому что ты живой. Мёртвые не чувствуют боли. Только живые. Боль - это цена жизни.

Она протянула ему чашу. Внутри было что-то тёмное. Густое. Пахло землёй и кровью.

- Пей.

- Что это?

- Кровь земли. Вино. Жизнь.

Он выпил. Боль стала тише.

- Теперь слушай. Ты танцевал вчера. Ты почувствовал пустоту. Это - первый шаг. Второй - то, что ты видел. Их лица. Их имена. Их дома. Ты не должен забывать.

- Я не забуду.

- Забудешь. Все забывают. Но ты должен помнить. Потому что ты - не они. Ты не женщина, которая оставила ребёнка. Ты не дочь, которая оставила отца. Ты не жена, которая оставила мужа. Ты тот, кто дал им уйти. И тот, кто должен помнить, куда они ушли.

- Куда?

- В никуда. В себя. В танец. В ночь. В то, что не имеет имени.

Она положила руку на грудь. Прямо на сердце.

- Здесь твоя мать. Семела. Она сгорела здесь. В тебе. В этом месте. Ты носишь её пепел. Ты думаешь, что это память. Это рана. Незаживающая.

- Что мне делать?

- Войти. Не прикрывать. Не прятать. Войти.

- Как?

Кибела улыбнулась. Улыбка была жестокой. Но не холод-

ной. Жестокой от любви.

- Через танец. Только через танец. Танец - это не движение. Танец - это то, что делает тебя. Тырываешь себя. И собираешь заново. Каждый раз. Каждую ночь. Пока не поймёшь, что собирать нечего. Что ты - и есть то, что ты делаешь.

Она ударила в тимпан.

- Вставай.

Он встал.

- Танцуй.

Он танцевал.

Менады проснулись. Присоединились. Круг сомкнулся. Костёр загорелся снова, сам собой.

Он танцевал до утра. Пока ноги не отказали. Пока голова не опустела. Пока боль не стала невыносимой.

И тогда, в самый пик, что-то треснуло.

Не внутри головы. Внутри груди. Там, где Кибела положила руку. Там, где был пепел Семелы.

Рана открылась.

Дионис закричал. По-настоящему. Наружу. Крик был громким. Диким. Животным. Крик, который шёл не из горла. Из дыры. Из пепла.

Менады не остановились. Они танцевали вокруг него. Быстрее. Громче. Яростнее. Алкиппа. Федра. Хрисеида. Клеопатра. Тимарета. Они танцевали. Не как менады. Как женщины. Как те, кто оставил. Как те, кто нашёл. Как те, кто

жив.

Кибела била в тимпан. Не переставая. Бум-бум-бум. Ритм, который вбивал боль глубже.

Дионис упал на землю. Скорчился. Дрожал. Плакал. Смелся. Кричал. Молчал.

Всё сразу.

Он видел Семелу. Она стояла в огне. Но теперь огонь не жёг её. Огонь был ею. Она улыбалась. Протягивала руки. И он понял - она не умерла. Она стала им. Она была в каждой клетке его тела.

Он видел Геру. Она стояла в стороне. Холодная. Белая. Мёртвая. И он понял — она не победила. Она проиграла. Потому что безумие, которое она дала ему, стало даром. Стало силой. Стало танцем.

Он видел Загрея. Мальчика. На камне. В тених. В крови. Он видел его сердце. Оно билось. Оно светилось. Оно было.

А потом - тишина.

Не та тишина, что была утром. Другая. Глубокая. Полная.

Он открыл глаза.

Небо было серым. Рассвет.

- Что это было? - спросил он.

- Ты вошёл в то, что было. Ты не умер. Ты не сошёл с ума.

Ты не стал Богом. Ты просто увидел, что там.

- И что там?

- Ничего. И всё. Одновременно.

- Нет. Не понял. Но что-то изменилось.

Кибела улыбнулась.

- Этого достаточно.

Глава 4. Имя

Он прожил на горе год.

Каждую ночь - танец. Каждую ночь - то, что открывалось.

Каждое утро - боль. Каждый день - тишина.

Голоса не исчезли. Они остались. Но он перестал их бояться. Они стали как погода.

Он научился смеяться. Не над чем-то. Просто смеяться.

Он научился плакать. Не от боли. От чего-то другого. Что не имело названия.

Он научился молчать. Молчать и быть.

Однажды утром Кибела позвала его.

- Иди сюда.

Он подошёл.

- Смотри, сказала она. Он посмотрел. Ничего особенного. Солнце. Горы. Небо.

- Что там?

- Ты там. Или не ты. Пока не знаю.

- Я не понимаю.

- Ты прожил здесь год. Ты перестал быть мальчиком из пещеры. Но ты ещё не стал тем, кем должен стать. Пора уходить.

- Куда?

- Туда, откуда пришёл. В мир. К людям. К городам. К Фивам.

- Зачем?

- Затем, что ты нужен им. Не потому, что ты Бог. Потому, что ты - то, что они потеряли. Ты - память о том, что они забыли. Ты - то, что открывает. Ты - вино, которое они не пили. Ты - танец, который они не танцевали. Ты - крик, который они не издавали.

- Я не хочу быть тем, кто открывает.

- Никто не хочет. Но ты им являешься. Это не выбор. Это судьба.

Она встала. Протянула ему руку.

- Иди. Не оглядывайся. Не прощайся. Просто иди.

Он взял её руку. Сжал. Крепко.

- Спасибо.

- Не благодари. Ты сделал всё сам. Я только держала дверь открытой.

Он повернулся. Пошёл вниз.

Кибела ударила в тимпан. Один раз.

Бум.

Дионис не обернулся.

Он шёл вниз. К морю. К кораблям. К миру.

Он не знал, что будет дальше.

Но он знал одно: он - Дионис. Тот, кто танцует. Тот, кто открывает. Тот, кто собирается заново.

Каждый раз.

Каждую ночь.

Пока не останется только танец.

Глава 5. Голос

Он ушёл с горы на рассвете. Спускался по каменистой тропе, которая вилась между скал, как трещина. Ноги были тяжёлыми. Не от усталости. От пустоты. Танец кончился. То, что открывалось - закрылось. Осталась только тишина.

Он шёл долго. Солнце поднялось. Потом начало падать. Он не останавливался. Не пил. Не ел. Он просто шёл. Потому что если бы он остановился, он бы почувствовал то, чего не хотел чувствовать.

К вечеру он вышел к морю. Не к тому морю, что помнил. Другому. Пустынному. Волны били о камни. Ветер пах солью и водорослями. Никого не было.

Он сел на камень. Посмотрел на воду. И впервые за год - за год танца, боли, открытий, он услышал.

Голос.

Не свой. Не Кибелы. Не Семелы. Не Зевса. Другой. Древнее. Тише. Глубже.

Он шёл не извне. Изнутри. Из той дыры, которую он открыл в танце. Из того места, где был пепел. Из того места, где было сердце.

Ты помнишь?

Дионис вздрогнул. Он не ожидал. Он не хотел. Но голос был. Он был там. Всегда. Просто раньше его заглушал шум. Шум пещеры. Шум вина. Шум танца. Шум боли.

Теперь шум стих. И голос остался.

- Кто ты? прошептал Дионис.

Ты знаешь.

- Нет.

Знаешь. Ты видел меня. В огне. В тенях. В сердце, которое не сгорело.

Дионис закрыл глаза. И увидел. Мальчика. Младенца. На камне. Тени. Когти. Кровь. Сердце. Женщину с глазами, как луна.

- Ты тот, кого разорвали?

Да.

- Ты тот, чьё сердце осталось?

Да.

- Ты Загрей.

Молчание. Долгое. Как вечность.

Да.

Дионис открыл глаза. Море было тёмным. Небо — чёрным. Звёзд не было. Только вода. Только ветер. Только голос.

- Почему ты здесь?

Потому что я - ты. Ты - я. Мы - одно. И всегда были.

- Я не понимаю.

И не надо. Понимание - для людей. Ты - не человек. Ты Бог. Но ты не только Бог. Ты то, что было до начала и будет после конца. Ты - сердце, которое не сгорело.

Дионис молчал. Он смотрел на воду. Вода текла. Как вечность.

- Что мне делать?

Идти. Всегда идти. Не останавливаться. Не оглядываться. Не жалеть. Ты - не пастух. Ты - не царь. Ты - не спаситель. Ты - огонь. Ты - вино. Ты - танец. Ты - то, кто разрушает, чтобы освободить. Ты - то, что умирает, чтобы родиться. Ты - то, что разрывается, чтобы собраться. Каждый раз. Каждую ночь. Пока не останется только танец.

- А потом?

Потом - тишина. Но не та, что сейчас. Другая. Полная. Та, в которой всё - одно. Та, в которой нет ни тебя, ни меня. Только мы. Только всё. Только ничего.

Дионис встал. Посмотрел на море. На горизонт. Туда, где небо встречается с водой. Туда, где кончается мир и начинается что-то другое.

- Я иду.

Иди.

Голос стих. Не исчез. Просто стих. Как стихает ветер. Как стихает море. Как стихает всё, что должно стихнуть, чтобы потом зазвучать снова.

Дионис пошёл. Вдоль берега. К кораблю. К морю. К миру. Он не знал, что будет дальше. Но он знал: он — не один. Он никогда не был один. Внутри него - сердце. Сердце, которое не сгорело. Сердце, которое билось. Сердце, которое было. Загрей.

Глава 6. Берег

Он шёл вдоль берега. Долго. Ноги вязли в песке. Ветер бил в лицо. Солнце падало за горизонт. Море было тёмным.

Как вино. Как кровь. Как память.

Он не знал, куда идёт. Он просто шёл. Потому что если бы он остановился - он бы вспомнил. Всё. Семелу. Загрея. Алкиппу. Мелитту. Всё, что он видел. Всё, что он не мог изменить.

Он увидел её издалека.

Женщина. На берегу. Одна. С ребёнком на руках. Ребёнок не двигался. Ребёнок не плакал. Ребёнок был мёртв.

Она не плакала. Она смотрела на море. Она ждала. Кого-то. Кто не придёт.

Дионис подошёл. Ближе. Ещё ближе. Он увидел её лицо. И узнал.

Алкиппа.

Та самая. Менада. Та, что оставила дочь. Мелитту. Ту, что плакала каждую ночь.

Она вернулась. Она нашла ребёнка. Мёртвым. Она не успела. Она никогда бы не успела. Потому что ушла. Потому что выбрала себя. Потому что была живой.

Дионис сел рядом. На песок. Рядом с ней. С мёртвым ребёнком. Он не говорил. Он не мог. Он был Богом. Бог не утешает. Бог есть. Но здесь - он должен быть человеком. Хотя бы раз. Хотя бы сейчас.

Он взял её за руку. Её рука была холодной. Как камень. Как море. Как всё, что мертво слишком долго.

Она повернула голову. Посмотрела на него. Долго. Без слёз. Без упрёка. Без ничего.

- Ты пришёл, сказала она. Тихо. Почти шёпотом.
- Да.
- Поздно.
- Знаю.
- Ты не спас её.
- Не спас.
- Почему?

Он молчал. Море шумело. Ветер нёс соль. Ребёнок был мёртв. Он должен был ответить. Но ответа не было. Потому что ответ - это не слова. Ответ - это то, что он сделает. Что он сделает с этим. С её болью. Со своей. С миром.

Он сжал её руку. Сильнее. До боли. До крови. До того, что она почувствовала. Не боль. Тепло. Жизнь. Его жизнь. Он отдавал ей. Не словом. Собой.

Она смотрела на него. Долго. Потом - закрыла глаза. И заплакала. Первый раз. С тех пор, как ушла. С тех пор, как оставила. С тех пор, как стала менадой.

Он не говорил ей, что всё будет хорошо. Потому что не будет. Он не говорил, что она не виновата. Потому что она виновата. И он виноват. Все виноваты. И никто не виноват. Так устроен мир. Так устроена жизнь. Так устроен он.

Он просто сидел рядом. Держал за руку. И молчал. И это было величие. Не слова. Не действие. Присутствие. То, что не имеет имени. То, что делает Бог, когда становится человеком. То, что делает человек, когда становится Богом.

Она плакала долго. Море шумело. Ветер стих. Луна под-

нялась. Бледная. Как кость. Как память. Как всё, что было и прошло.

Когда слёзы кончились, она посмотрела на него. Глаза были красными. Опухшими. Живыми.

- Что мне делать? спросила она. Голос был хриплым. Но не мёртвым.

- Не знаю, сказал он. Честно. Впервые. Не как Бог. Как человек. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как жить с этим. Я не знаю, как ты живёшь. Я не знаю, как ты ушла. Я не знаю, как ты вернулась. Я не знаю, как ты держишь её. Мёртвую. Я не знаю.

Она смотрела на него.

- Ты - Бог.

- Да.

- Боги не должны не знать.

- Я не должен. Но я не знаю. Потому что я не только Бог. Я тот, кто разрывается. Тот, кто не знает. Тот, кто ищет. Тот, кто как ты.

Она отвернулась. Посмотрела на ребёнка. На мёртвое лицо. На маленькие руки. На то, что она оставила. На то, что она нашла. На то, что она потеряла.

- Я похороню её, сказала она. Здесь. У моря. Чтобы она слышала. Чтобы я слышала. Чтобы мы обе слышали.

- Да.

- Ты поможешь?

- Да.

Он встал. Взял ребёнка. Осторожно. Как сердце. Как всё, что мертво и свято. Он вырыл яму. Руками. В песке. У воды. Он положил ребёнка. Не в яму. В воду. В море. Потому что море это жизнь. Потому что море это смерть. Потому что море - это всё.

Алкиппа стояла рядом. Смотрела. Не плакала. Просто смотрела.

- Почему в воду? спросила она. - Потому что она вернётся. Не она. Другая. Такая же. Мелитта. Другая. В другой. В следующей. В той, что будет. Море вернёт. Всегда возвращает.

Она посмотрела на него. Потом улыбнулась. Слабо. Но по-настоящему.

- Ты не Бог?

- Нет.

- Ты человек?

- Нет.

- Ты что-то другое?

- Да.

Она взяла его за руку. Сжала. Крепко. Как держат того, кого теряют. Как держат того, кого находят. Как держат того, кто как ты.

- Идём, сказала она.

- Куда?

- Не знаю. Просто идём.

Они пошли. Вдоль берега. Двое. Один. Мёртвый ребёнок. Живая женщина. Бог, который не знал. Человек, который не

был. Всё, что было. Всё, что будет. Всё, что есть.

Море шумело. Ветер пел. Луна светила. Как всегда...